

© 2009 г.

Н.П. ЕВДОКИМОВА, А.А. ПЕТРОВА

ВЛАДИМИР ГЕОРГИЕВИЧ РЕВУНЕНКОВ (1911–2004)

В истории кафедры новой и новейшей истории Санкт-Петербургского государственного университета можно назвать немало имен ученых, оставивших свой след в исторической науке, ученые, труды которых стали образцом научных достижений и составили славу российской, советской науки. А.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Е.В. Тарле, П.П. Щеголев, А.И. Молок и многие другие ученые, в разное время работавшие на кафедре, стали гордостью российской науки. Имя доктора исторических наук, профессора Владимира Георгиевича Ревуненкова, несомненно, с полным правом может быть поставлено в ряд таких ученых.

Жизненный путь В.Г. Ревуненкова и его научное творчество уже были предметом анализа в статьях и материалах его учеников и коллег. Первым это сделал профессор С.А. Могилевский, который привел краткие биографические сведения и охарактеризовал первые крупные работы В.Г. Ревуненкова. Его статья вышла в сборнике статей, в котором были опубликованы материалы научной конференции, посвященной 60-летию В.Г. Ревуненкова¹. Тщательный анализ работ профессора В.Г. Ревуненкова по истории Великой французской революции спустя 10 лет был выполнен Б.Н. Комиссаровым в статье, помещенной в сборнике работ, вышедшем к 70-летию ученого². Тогда же журнал "Новая и новейшая история" опубликовал краткую информацию о заседании Ученого совета исторического факультета ЛГУ, также посвященного этому юбилею профессора В.Г. Ревуненкова³. К 85-летию ученого в газете "Санкт-Петербургский университет" был напечатан материал Б.Н. Комиссарова⁴.

Свою задачу авторы настоящего очерка видят в том, чтобы отдать дань уважения Владимиру Георгиевичу Ревуненкову, своему учителю и старшему коллеге, скончавшемуся 10 октября 2004 г., и попытаться восстановить облик гражданина своей страны.

В.Г. Ревуненков вошел в историческую науку как специалист по германской истории, истории международных отношений второй половины XIX в., историографии, но наибольшую известность он приобрел как скрупулезный, оригинальный исследователь истории Великой французской революции, создавший свою школу историков в изучении этого важного события мировой истории. Он является автором более 200 на-

Евдокимова Нина Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Петрова Ариадна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

¹ *Могилевский С.А.* Творческий путь ученого. (К 60-летию со дня рождения профессора В.Г. Ревуненкова.) – Исследования по новой и новейшей истории. Л., 1972, с. 3–16.

² *Комиссаров Б.Н.* Проблемы Великой французской революции в трудах В.Г. Ревуненкова. – Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Л., 1981, с. 3–22.

³ *Евдокимова Н.П.* О 70-летию В.Г. Ревуненкова. – Новая и новейшая история, 1982, № 3, с. 217–218.

⁴ *Комиссаров Б.Н.* Непроторенными путями. К 85-летию профессора В.Г. Ревуненкова. – Санкт-Петербургский университет, 1996, № 25, с. 12–13.

учных трудов, в том числе 12 монографий. Он прошел свой путь в науку и в науке. Этот непростой путь был связан с преодолением как жизненных невзгод и неурядиц, так и необходимостью преодоления сопротивления научной среды, не сразу воспринявшей его взгляды на многие исторические события и явления.

В.Г. Ревуненков родился в Петербурге 13 сентября 1911 г. в семье мелкого служащего. В связи с ранней смертью отца он вынужден был пойти работать на машиностроительный завод. Окончил фабрично-заводское училище, стал квалифицированным рабочим-модельщиком. Его становление как личности происходило в 20-х годах XX столетия, когда страна преодолевала разруху, когда появилось ощущение перемен, благоприятных для таких выходцев из низов, каким был В.Г. Ревуненков. Он был активен, полон надежд, как все его однокашники. Кружок ОСОАВИАХИМА⁵, стенгазета, комсомольское бюро – юноша успевал всюду. Он рано приобрел вкус к знаниям, к чтению прессы и серьезной литературы. Приобретая знания сам, он и других приобщал к ним, читая в обеденные перерывы газеты рабочим своего цеха.

В конце 1920-х годов перед страной встала проблема создания своих педагогических кадров. Чтобы их создать, наиболее талантливых молодых людей из рабочих по путевкам райкомов комсомола направляли на учебу в высшие учебные заведения. Такую путевку в 1929 г. Выборгский райком комсомола Ленинграда выдал Владимиру Ревуненкову: в составе так называемой "комсомольской тысячи" его направили на учебу в педагогический институт. После краткосрочных подготовительных курсов он успешно сдал вступительные экзамены и стал студентом общественно-экономического отделения Педагогического института имени А.И. Герцена. Здесь работали тогда великолепные педагоги – профессора С. С. Горловский, А.Е. Кудрявцев, Я.М. Захер и многие другие. Среди множества общественных дисциплин, преподаваемых в педагогическом институте, для В.Г. Ревуненкова приоритетной стала история стран Западной Европы и Америки в новое и новейшее время. События Английской революции середины XVII в., о которых рассказывал в своих лекциях и на семинарах профессор А.Е. Кудрявцев, события Великой французской революции конца XVIII в., о которых так ярко говорил в своих лекциях профессор Я.М. Захер, были созвучны событиям и обстоятельствам жизни того поколения студентов, детские годы и юность которого пришлось на годы Первой мировой войны, революции, гражданской войны и последующих преобразований во всех сферах общественно-экономической и политической жизни страны. В.Г. Ревуненков был из этого поколения. Значительно позже, когда В.Г. Ревуненков рассказывал о Н.И. Карееве, который в конце XIX в. первым стал читать в Петербургском университете курс лекций по истории стран Западной Европы в новое время, он говорил, что Кареев читал политическую историю стран Западной Европы, а пытливые умы неизбежно должны были "накладывать" этот рассказ на события политической жизни царской России конца XIX – начала XX вв. И поколение В.Г. Ревуненкова в студенческих аудиториях первой трети XX в. делало то же самое – анализировало, сопоставляло услышанное с реалиями современной ему жизни. Именно эти реалии открыли дорогу к высшему образованию таким же выходцам из народа, каким был В.Г. Ревуненков. Он с большим интересом работал в семинарах А.Е. Кудрявцева, Я.М. Захера, а также и в семинаре С. С. Горловского по истории немецкой социал-демократии. Своей увлеченностью историей и недюжинными способностями к научной работе он обратил на себя внимание преподавателей. И поэтому приглашение поступить в аспирантуру Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) по кафедре новой и новейшей истории, директором которого был С. С. Горловский, было совершенно закономерным.

Среди тех преподавателей ЛИФЛИ, которые оказали на него наибольшее влияние, В.Г. Ревуненков всегда называл А.И. Молока, который уже тогда был известным спе-

⁵ ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству, массовое добровольное общество, существовавшее в Советском Союзе в 1927–1948 гг.

циалистом по истории Франции, опубликовал ряд работ по истории Парижской коммуны 1871 г., Я.М. Захера, специалиста по истории парижских секций и крайних движений (движения "бешеных") в эпоху Великой французской революции, П.П. Щеголева, знатока истории Западной Европы XVI – XVII вв. Но особенно он выделял академика Е.В. Тарле, отмечая его безграничную преданность науке, разносторонние, энциклопедические знания, талант исследователя, для которого характерны были, как писал позже В.Г. Ревуненков, и глубокий анализ, и подлинно художественная манера изложения. Особо В.Г. Ревуненков отмечал необычайно яркий лекторский стиль академика Тарле, где были "вдохновенная импровизация, образность и точность языка, меткие характеристики, тонкий анализ, огромная информативность" и обоснованность выводов⁶.

Великие учителя сформировали у своего ученика глубокий интерес к научно-исследовательской работе, к научному поиску. В аспирантуре ЛИФЛИ определился и интерес В.Г. Ревуненкова к проблемам германской истории XIX в. Успешные занятия проблемой конституционного конфликта 1862 г. в Пруссии, приведшего к власти Отто фон Бисмарка, в мае 1937 г. завершились защитой кандидатской диссертации "Политический кризис 1862 года в Пруссии". Защита проходила на историческом факультете Ленинградского университета. А в качестве официальных оппонентов выступали глубоко уважаемые диссертантом Е.В. Тарле и А.И. Молок. Одобрительные отзывы о диссертации молодого ученого со стороны столь маститых ученых открывали ему дорогу в будущее. В 1939 г. В.Г. Ревуненков стал доцентом кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Ленинградского университета. Здесь он прежде всего занялся подготовкой рукописи своей кандидатской диссертации к публикации. И вскоре первая в жизни В.Г. Ревуненкова монография "Приход Бисмарка к власти (политическая борьба в Пруссии в 1859–1862 годах)" была опубликована⁷. Печатались в эти годы и пропагандистско-просветительские статьи В.Г. Ревуненкова, посвященные различным проблемам истории – Парижской коммуне 1871 г., Первой мировой войне, ревизионизму, краху Версальской системы, якобинцам эпохи Великой французской революции⁸ и т.д.

Затем на долгие 12 лет жизнь и научное творчество В.Г. Ревуненкова оказались связанными с армией. Вначале он преподавал в Высшей военно-политической школе под Ленинградом, а когда началась Великая Отечественная война, В.Г. Ревуненков был направлен в распоряжение Политуправления Тихоокеанского флота. Он стал лектором этого Управления. Спустя два года, когда Высшая военно-политическая школа перебазировалась в Москву, В.Г. Ревуненкова отозвали из Владивостока, зачислили доцентом кафедры международной политики этой школы, где он преподавал до конца войны. В.Г. Ревуненков, таким образом, не принимал участия в боевых действиях. Его оружием в Великой Отечественной войне были слово и участие в подготовке политработников для Красной Армии. Сам он говорил, что его, конечно, никак нельзя сравнивать с истинными участниками войны. Однако, как представляется, на алтаре Великой победы есть и его доля, которую он внес с той мерой ответственности, которая была ему свойственна.

⁶ См.: Ревуненков В.Г. Кафедра новой и новейшей истории. – Вопросы истории исторической науки. Сб. ст. Л., 1984, с. 55.

⁷ Ревуненков В.Г. Приход Бисмарка к власти (политическая борьба в Пруссии в 1859–1862 гг.). Л., 1941.

⁸ См.: Ревуненков В.Г. Парижская коммуна. – Ленинградская правда, 18.III.1939; *его же*. Парижская коммуна (историческая справка). – Пропаганда и агитация, 1939, № 4, с. 37–47; *его же*. Первая мировая империалистическая война 1914–1918 гг. (историческая справка). – Там же, 1939, № 13, с. 29–35; *его же*. Что такое ревизионизм? – Там же, 1939, № 22, с. 37–42; *его же*. Крах Версальской системы. – Ленинградская правда, 17.III.1940; *его же*. Якобинцы (исторический очерк). – Пропаганда и агитация, 1940, № 23, с. 30–38 и др.

После окончания войны В.Г. Ревуненков еще несколько лет (до 1952 г.) преподавал в высших военных учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Здесь он возобновил и свою исследовательскую деятельность. Теперь он обратился к проблемам истории европейской дипломатии середины XIX в. В 1951 г. на историческом факультете Ленинградского университета В.Г. Ревуненков защитил докторскую диссертацию на тему "Польский вопрос и дипломатическая борьба в Европе в конце 50-х и начале 60-х годов XIX века". Расширенный вариант этой диссертационной работы также был опубликован⁹.

В Ленинградский университет В.Г. Ревуненков вернулся в 1952 г. В течение нескольких лет он активно участвовал в подготовке к изданию учебников и учебных пособий по новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки для школьников, учителей и студентов высших учебных заведений. Он был редактором некоторых из этих изданий и автором большого числа глав в каждом из них. В этой многотрудной работе поражает даже простое перечисление тех стран, главы по истории которых вышли из-под пера В.Г. Ревуненкова: Англия, Германия, Франция, Италия, Австрия, Чехословакия, Польша, Румыния, Югославия, Болгария, Греция, Аргентина, Бразилия, Чили, Мексика, Гватемала!¹⁰ Он был автором разделов по истории Италии с конца XVIII до 1871 г. в "Очерках истории Италии", изданных под редакцией профессора М.А. Гуковского¹¹. И, конечно же, не случайно он одним из первых российских историков рискнул написать учебник по новейшей истории стран Латинской Америки, опубликованный в 1963 г., который и по сию пору отличается глубиной проникновения в материал¹².

Между тем, вернувшись в университет на должность доцента кафедры новой и новейшей истории, В.Г. Ревуненков вскоре стал профессором, а в 1957 г. он был избран заведующим этой кафедрой.

В середине 1960-х гг. В.Г. Ревуненков обратился, наконец, к теме, которая с этого времени станет главной в его научном творчестве – истории Великой французской революции. Выше уже упоминалась небольшая статья В.Г. Ревуненкова о якобинцах, которая стала для него первым прикосновением к проблематике этой революции¹³. Концептуально эта статья была вполне адекватна представлениям о якобинцах, сложившимся в российской историографии. Согласно этим концепциям якобинская диктатура была диктатурой мелкой буржуазии, поддержанной плебейскими массами города и деревни. В завершенном виде это мнение, высказанное Н.М. Лукиным, выкристаллизовалось в концепцию Н.М. Лукина – А.З. Манфреда, согласно которой якобинская диктатура была блоком мелкобуржуазных революционеров, олицетворением которых был якобинский Конвент, и санкюлотских масс, объединенных в Коммуне Парижа и ее секциях.

Спустя четверть века, в 1966 г., В.Г. Ревуненков опубликовал монографию "Марксизм и проблема якобинской диктатуры (историографический очерк)", ставшую новым словом в советской-российской историографии французской революции конца XVIII в. Автор проделал титанический труд. Он был одним из немногих обществоведов-историков, прочитавшим труды классиков марксизма "от корки до корки" и рассматривавшим их взгляды, особенно на исторические события, не как нечто застыв-

⁹ Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957.

¹⁰ См.: Новейшая история. Пособие для средней школы. М., 1958. (Редактор и автор нескольких глав); Новейшая история стран Запада. Учебное пособие для пед. ин-тов. М., 1959; Ворошилов С. И., Ревуненков В.Г., Фураев В.К. Новейшая история. Малые страны Западной Европы. Страны Латинской Америки. Канада. Учебное пособие для пед. ин-тов. М., 1960. (Редактор и автор нескольких глав); Новая история, Ч. II. 1871–1917. Учебник для пед. ин-тов. М., 1961; и др.

¹¹ Очерки истории Италии. 476–1918 гг. Пособие для учителя. М., 1959.

¹² Ревуненков В.Г. История стран Латинской Америки в новейшее время. Учебное пособие для гос. ун-тов СССР. М., 1963.

¹³ См.: Ревуненков В.Г. Якобинцы (исторический очерк). – Пропаганда и агитация, 1940, № 23, с. 30–38.

шее, раз и навсегда данное, а в развитии и с позиции строгого историзма. Прекрасное владение марксистской теорией и методологией позволило ему написать интересные, не утратившие своего значения и по сей день работы. Первой среди них стала книга "Марксизм и проблема якобинской диктатуры"¹⁴. Важным достоинством этой работы является то, что В.Г. Ревуненков ушел от абсолютизации взглядов ранних К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, свойственной его предшественникам. Он проследил процесс формирования, изменения, развития взглядов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина на проблему якобинской диктатуры на разных этапах их общественно-политической деятельности и в связи с состоянием современной им науки. Кроме того, основываясь на более обширной, чем у его предшественников, источниковой базе и достижениях современной историографии, прежде всего французской, следуя принципу историзма, В.Г. Ревуненков тщательно проанализировал работы советских историков. В результате этого анализа ученый наряду с господствовавшей в советской историографии концепцией якобинской диктатуры как блока революционной буржуазии и санкюлотских масс (якобинского Конвента и Коммуны Парижа) высказал точку зрения, согласно которой в период якобинской диктатуры существовало двоевластие – Конвент и Коммуна. Двоевластие при этом рассматривалось как важная черта всей системы революционного правления, а парижские секции как принципиально новая форма власти. Эту точку зрения В.Г. Ревуненков воспринял и в дальнейшем, в последующих своих работах, сформулировал в новую концепцию якобинской диктатуры. Здесь небезынтересно отметить, что, как вспоминала Р.С. Мнухина, не одно десятилетие преподававшая новую историю в ЛГУ одновременно с В.Г. Ревуненковым, рукопись монографии "Марксизм и проблема якобинской диктатуры" прошла многочисленные рецензирования. Ее судьба – быть опубликованной или остаться только рукописью – решалась на высоком уровне. И, по словам Р.С. Мнухиной, человеком, сказавшим решительное "да", был И.М. Кривогуз.

Историографический анализ проблемы якобинской диктатуры стал своего рода прологом к изучению темы истории Великой французской революции уже в сугубо историческом, фактологическом плане. Именно к таким работам относятся монографии "Парижские санкюлоты эпохи Великой французской революции" (1971), "Парижская Коммуна. 1792–1794" (1976) и серия статей, посвященных различным проблемам истории и историографии французской революции конца XVIII в.¹⁵ Эти работы профессора В.Г. Ревуненкова свидетельствовали о появлении в нашей стране ленинградской школы в изучении истории Великой французской революции, отличающейся от московской школы, школы Н.М. Лукина – А.З. Манфреда, трактовкой кардинальных проблем революции. В своих работах В.Г. Ревуненков тщательно проанализировал социальный состав, идеологию, тактику, политические организации парижских санкюлотов, их отношения, связи с якобинцами и сделал вывод о том, что якобинская диктатура не была блоком революционной буржуазии и народных масс, что в период якобинской диктатуры существовало двоевластие: с одной стороны, буржуазная диктатура якобинцев, воплощенная в Конвенте, а с другой – Коммуна Парижа и ее секции, олицетворявшие власть санкюлотов. Автор доказал, что Коммуна Парижа и ее секции были зачатком демократической диктатуры "низов".

Исследования В.Г. Ревуненкова по истории Великой французской революции, предложенные им концепция и оценки якобинской диктатуры и Парижской Коммуны 1792–1794 гг. и других проблем этой революции, переворот, который он совершил в

¹⁴ Ревуненков В.Г. Марксизм и проблема якобинской диктатуры (историографический очерк). Л., 1966.

¹⁵ См., напр.: Ревуненков В.Г. Санкюлоты и якобинцы. – Новая и новейшая история, 1969, № 3, с. 54–70; *его же*. Об аграрной политике якобинцев. – Вестник Ленинградского университета, 1973, № 2, с. 156–159; *его же*. Якобинцы и максимум. – Там же, 1973, № 8, с. 152–159; *его же*. Гибель эбертистов. – Вопросы истории, 1974, № 6, с. 133–145; *его же*. О социальной сущности движения эбертистов. – Новая и новейшая история, 1974, № 4, с. 56–69; *его же*. Коммуна Парижа и закон Конвента о максимуме. – Вестник Ленинградского университета, 1976, № 20, с. 47–53; и др.

советской историографии этой революции, вызвали разноречивые отклики – чаще неодобрительные в нашей стране и весьма похвальные за рубежом. Одобрительно откликнулись на труды В.Г. Ревуненкова крупнейший специалист по истории французской революции немецкий историк В. Марков и польский ученый М. Скршипек, а также некоторые советские ученые, в частности А.И. Молок¹⁶. И.С. Галкин позже о книгах В.Г. Ревуненкова "Парижские санкюлоты" и "Парижская коммуна. 1792–1794" писал, как об "оригинальных по замыслу и выполнению исследованиях", которые "вносят существенный вклад в изучение острейшей борьбы парижских санкюлотов в эпоху Французской буржуазной революции конца XVIII в."¹⁷ Были и ученые, которые, может быть не вполне признавая версию якобинской диктатуры, предложенную В.Г. Ревуненковым, все же находили в ней и элементы, заслуживающие внимания. Об этом, в частности, в дискуссии по проблемам якобинской диктатуры, организованной в мае 1970 г. сектором истории Франции Института всеобщей истории, говорили С.Л. Сытин, Л.С. Гордон. А.В. Адо, например, отметил, что "вызывают интерес" некоторые наблюдения В.Г. Ревуненкова, которые "побуждают к новым размышлениям над проблемами"¹⁸. Еще раньше А.В. Адо в разговоре со своим учеником А.В. Гордоном о книге В.Г. Ревуненкова заметил, что это "все-таки работа серьезная"¹⁹.

Однако в целом взгляды В.Г. Ревуненкова натолкнулись на категорическое непонимание, неприятие со стороны приверженцев "московской школы" историков: А.З. Манфред, В.М. Далин и др. продолжали отстаивать старую версию оценки деятельности якобинцев, перенесли научную дискуссию в политический план, упрекая ученого в "ревизии" взглядов В.И. Ленина,²⁰ что в советские времена было далеко не безобидным обвинением. Критика идей профессора В.Г. Ревуненкова была далека от корректности. Его, автора трех монографий и более 20 статей по различным проблемам истории Великой французской революции, называли даже "не специалистом по истории Французской революции"²¹. Что же вызвало огонь критики, обрушившейся на В.Г. Ревуненкова? Пересмотреть многие взгляды и оценки событий и участников Великой французской революции В.Г. Ревуненкову позволили кропотливое прочтение работ классиков марксизма, творческое отношение к их идеям, глубокое знание работ историков разных направлений, акцент на научную дискуссию, а не на идеологию. Его пытливый и гибкий ум позволил ему во всех научных спорах выдвигать достаточно четкую и последовательную аргументацию. Будучи последовательным сторонником марксистского подхода к изучению истории, он тем не менее не вписывался в ортодоксальные, догматические идеологические клише. В.Г. Ревуненков относился к марксизму, прежде всего, как к одному из научных течений. Это и было неприемлемым для многих его оппонентов.

Критика, ни ее формы, ни ее суть, не сломала В.Г. Ревуненкова, проявившего спокойствие, хладнокровие, стойкость. Он не вступал в полемику со своими критиками, понимая, что в сложившихся в науке условиях, лучшее, что можно сделать, это идти

¹⁶ См., напр., следующие отклики на работу В.Г. Ревуненкова: Молок А.И. "Марксизм и проблема якобинской диктатуры" (рец): Новая и новейшая история, 1967, № 5, с. 174–176; рецензия польского историка М. Скршпека. – Euhemer, 1968, № 2 (68), S. 114–119; рецензия немецкого историка В. Маркова. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1972, H.5, S.631.

¹⁷ Галкин И.С. Новая история Европы и Америки в советской историографии (1971–1976 гг.). – Новая и новейшая история, 1977, № 4, с. 153.

¹⁸ См.: Проблемы якобинской диктатуры: Симпозиум в секторе истории Франции Института всеобщей истории (ИВИ) АН СССР, 20–21 мая 1970 г. – Французский ежегодник. 1970. М., 1972, с. 289–295.

¹⁹ Цит. по: Бовыкин Д.Ю. А.В. Адо, профессор Московского университета. – Французский ежегодник. 2002. М., 2002, с. 165.

²⁰ Подробный анализ критики взглядов В.Г. Ревуненкова см.: Комиссаров Б.Н. Проблемы Великой французской революции в трудах В.Г. Ревуненкова. – Советская и зарубежная историография новой и новейшей истории. Межвузовский сборник. Л., 1981, с. 14–17.

²¹ Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981, с. 80–81.

далее, продолжать исследование избранной темы, что лучшим аргументом могут стать лишь его новые книги по истории Великой французской революции. Чтобы завершить этот сюжет, заметим, что за дискуссией по вопросам якобинской диктатуры стояли две разные позиции: с одной стороны, позиция диктатора, намерение утвердить единомыслие, с другой – желание сохранить и отстоять свое право на свободу мнения; с одной стороны, идеология, с другой – наука. Назвать, спустя годы, эту дискуссию "идеологической склокой", как это сделано в очень неплохой статье С. Е. Летчфорд,²² нам представляется некорректным.

Между тем, профессор В.Г. Ревуненков продолжал заниматься исследованиями. И за работами, посвященными отдельным важным проблемам этой революции, последовал обобщающий труд В.Г. Ревуненкова, где выработанная им концепция была аргументированно проиллюстрирована на "пространстве" всей революции – от ее начала до конца. Таким обобщающим трудом стали "Очерки по истории Великой французской революции" в двух частях: "Падение монархии. 1789–1792" и "Якобинская республика и ее крушение", опубликованные в 1982–1983 гг. В 1989, 1996 и 2003 гг. вышли в свет второе, третье и четвертое дополненные издания "Очерков" (каждое из этих переизданий – в одном томе). Издание 2003 г. опубликовано под названием "История Французской революции".

На основе обширного фактического материала, накопленного наукой за последние десятилетия, с позиций историзма автор "Очерков" представил читателю целостную картину развития Великой французской революции, оригинально трактуя многие проблемы этого грандиозного события во всемирной истории. Еще раньше В.Г. Ревуненков обращался к вопросу о периодизации и о хронологических рамках этой революции²³. В "Очерках" он возвращается к этому вопросу. Автор аргументировано оспаривает тенденцию, возобладавшую в новейшей французской историографии, делить всю революцию на ряд вполне самостоятельных революций ("революция 14 июля", "революция 10 августа", "революция 2 июня" и т.д.) или автономных революций, то есть таких революций, которые совпадают во времени, но развиваются вполне самостоятельно ("дворянская революция", "буржуазная революция", "крестьянская революция", "санкюлотская революция"). Оспаривает он и мнение крупнейшего французского историка А. Матьеза, который переворот 9 термидора (27 июля 1794 г.) считал концом революции, а не гранью между восходящим и нисходящим периодами ее развития. Вместе с тем, В.Г. Ревуненков выражает несогласие и с теми российскими историками, которые полагали правомерным оканчивать Великую французскую революцию 1799 годом, государственным переворотом 18 брюмера, вынося, таким образом, "наполеоновскую эру" (1799–1814 гг.) в особый период политического развития Франции, вне рамок революции.

В.Г. Ревуненков логически завершает свои "Очерки" анализом "наполеоновской эры". Вот как сам он объясняет необходимость включения этого сюжета в свой рассказ о Французской революции: «Подобно тому, как аристократическая "предреволюция" 1787–1788 гг. послужила своеобразной прелюдией к Французской революции, так и "наполеоновская эра" 1799–1814 гг. стала ее цезаристским завершением»²⁴. Наполеон, как пишет автор, в известном смысле слова справедливо считал себя наследником и завершителем революции²⁵. Главной из "наполеоновских идей", по мнению автора, была "идея о необходимости остановить слишком уже затянувшуюся револю-

²² Летчфорд С.Е. В.Г. Ревуненков против "московской школы": дискуссия о якобинской диктатуре. – Французский ежегодник. 2002, с. 222.

²³ См.: Ревуненков В.Г. О хронологических рамках Великой французской революции. – Вестник Ленинградского университета, 1979, № 14, с. 26–33.

²⁴ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1814. Изд. 3-е, дополн. СПб., 1996, с. 21.

²⁵ Там же, с. 503.

цию, остановить на основе признания важнейших социальных завоеваний"²⁶. И эта идея была реализована. «Именно Наполеон, этот "Робеспьер на коне", – пишет ученый, – практически закрепил и облек в классически ясные и четкие юридические нормы новый социальный строй, сложившийся в результате Французской революции, не строй свободы, равенства и братства, как это представлялось революционным борцам, а куда более прозаический буржуазный строй, покоящийся на частной собственности, имущественном неравенстве, наемном труде»²⁷. В течение того периода, когда революция развивалась по нисходящей линии (от 9 термидора до 18 брюмера, т.е. от 27 июля 1794 г. до 9 ноября 1799 г.), буржуазия в подавлении народного движения, отстранении народных масс от участия в управлении государством, ограничении демократических прав и свобод, видела гарантию своих социальных привилегий. Но этим, пишет автор, она проложила путь сначала к империи Наполеона, буржуазной по своей сути, а затем и к реставрации полуфеодальной монархии Бурбонов. "Наполеоновскую эру" (1799–1814), как полагает В.Г. Ревуненков, нельзя ни отождествлять с эпохой революции, ни отрывать от нее. «Режим Наполеона, – пишет В.Г. Ревуненков в своих "Очерках", – это действительно "бонапартистская контрреволюция", которая, с одной стороны, ликвидировала ... последние остатки демократических свобод, превратила в фикцию и конституцию, и права законодательных органов, ликвидировала ... и республику, но вместе с тем сохранила и упрочила важнейшие завоевания революции в социально-экономической области... чем обеспечила себе широкую поддержку и среди буржуазии и среди крестьянства»²⁸.

"Очерки по истории Великой французской революции" завершили длительный период исследования В.Г. Ревуненковым отдельных проблем этого важного события в мировой истории. В исследовании автор представил целостную картину развития революции, охарактеризовав образно, убедительно и события революции, и ее героев. Представляется закономерным обращение В.Г. Ревуненкова к истории одного из главных персонажей революции – Наполеона Бонапарта. Любопытно, что еще в 1991 г., когда кафедра отмечала 80-летний юбилей В.Г. Ревуненкова, один из его коллег, профессор К.Б. Виноградов в стихах, посвященных юбиляру, высказал предположение о том, что появится и книга о Наполеоне. Отмечая неиссякаемое стремление Владимира Георгиевича к научному поиску, К.Б. Виноградов озаглавил эти стихи так – "Третья молодость":

Историзм и Ревуненков
Неразрывно связаны.
В прошлом множество оттенков
Мы найти обязаны!
Жирондисты, санкюлоты,
Робеспьер в придачу
Пишет Мэтр о них охотно,
Ярко и удачно!
Труд Ваш, к счастью, не окончен,
Жив марксистский метод!
Только вот Наполеончик
Потерялся где-то...
Но и он, глядишь, возникнет
В следующем томе...
Ваша мудрость – Ваши книги –
В каждом нашем доме!

²⁶ Там же, с. 471.

²⁷ Там же, с. 503.

²⁸ Там же, с. 20–21.

И книга о Наполеоне Бонапарте действительно появилась. Одновременно с подготовкой к переизданию "Очерков" В.Г. Ревуненков работал и над этой книгой. В 1999 г. была опубликована работа ученого "Наполеон и революция. 1789–1815", а в 2001 г. был издан ее новый вариант – "Взлет и падение Наполеона Бонапарта".

В книге о Наполеоне В.Г. Ревуненков включается в спор о роли и месте Наполеона Бонапарта и созданного им режима в истории Франции и Европы на рубеже XVIII – XIX вв. Он не соглашается с определением академиком Е.В. Тарле Наполеона, как "удушителя" революции, а наполеоновского режима как "диктатуры контрреволюционной буржуазии". Сходную точку зрения, как известно, высказывали и историки школы Лукина – Манфреда²⁹.

Автор разделяет мнение К. Маркса и Ф. Энгельса, которые считали Наполеона не только "разрушителем", но и "строителем". Наполеон, как они полагали, был "разрушителем" шатких республиканских конструкций власти, которые еще уцелели на нисходящем этапе революции, и "строителем" нового буржуазного социального строя, созданного конечно революцией, но прочно ставшего на ноги лишь при Наполеоне с его Гражданским кодексом. В подходе Маркса и Энгельса к наполеоновскому режиму В.Г. Ревуненков вновь отмечает присущее им чувство историзма, конкретный анализ, признание за режимом Наполеона определенных прогрессивных черт³⁰. Эти качества, отмечает ученый, не были свойственны многим советским историкам. Убедительно спорит В.Г. Ревуненков и с современными историками, которые идеализируют Наполеона, изображают его как политического деятеля, который "предвосхитил интеграционные процессы, идущие сейчас в Европе"³¹. Возражение у него вызвали и некоторые положения работы одного из самых любимых его учеников – О.В. Соколова, который в книге об армии Наполеона утверждает, что империя Наполеона "в значительной степени не являлась буржуазным государством", так как «в ней доминировали уже не биржевые дельцы и спекулянты, как при Директории, а "элита меча", "новое рыцарство" ... которые и определяли "вкусы, нравы и ценности наполеоновского общества, уподобляемого рыцарским временам Филиппа II Августа"»³².

Интересными представляются размышления В.Г. Ревуненкова о сути и историческом значении феномена Наполеона, о бонапартизме. Он высказывает мнение о необходимости отказаться от однозначной оценки бонапартизма как реакционного явления. Если Е.В. Тарле и другие советские историки (вслед за В.И. Лениным) считали Наполеона не "завершителем", а "ликвидатором" революции, то В.Г. Ревуненков отмечает двойственную роль режима Наполеона: с одной стороны, он подавил демократическое движение внутри страны, а с другой – устранил внешнюю опасность, так как военная мощь европейских государств еще не была сломлена и представляла опасность для социально-экономических завоеваний периода революции. На примере трех революций – Английской буржуазной революции середины XVII в., Великой французской революции конца XVIII в., Октябрьской революции 1917 г. в России, а также многих других политических событий XX в. он демонстрирует необходимость взвешенного подхода к оценке событий и явлений и учета их конкретно-исторического контекста³³.

Как отмечает автор, «тема "Наполеон" была и остается одной из наиболее актуальных в исторической науке». И он ставит перед собой задачу не воссоздать биографию Наполеона и его "историю в широком плане", а "проследить все сложные, противоречивые пути-дороги этого героя-воина в революции, проследить все его дальнейшие метаморфозы и попытаться нарисовать его *политический портрет* (курсив В.Г. Ре-

²⁹ Ревуненков В.Г. Взлет и падение Наполеона Бонапарта. СПб., 2001, с. 4–7.

³⁰ Там же, с. 4–5.

³¹ Там же, с. 162.

³² Там же, с. 105.

³³ Там же, с. 11–12.

вуненкова. – *Авт.*) не одной лишь черной краской и не в романтических тонах, а с позиций строгого реализма, не приукрашивая суровой правды жизни"³⁴.

В.Г. Ревуненков провел своего героя через революцию, через якобинский этап его жизни и другие важные события внутри- и внешнеполитической жизни Франции. Он показал, как менялись его взгляды. В конечном счете, он убедительно проиллюстрировал свое мнение о двойственной роли Наполеона и созданного им режима в политических событиях того времени.

В последние полтора-два десятилетия, в условиях развития демократических процессов в России все громче заявляет о себе новое поколение историков, которые высказывают свои идеи, свои взгляды по всем кардинальным проблемам мировой истории, в том числе и по истории Великой французской революции. Эти взгляды и идеи отличаются неким радикализмом, а нередко и недостаточной мерой ответственности за них. Работы, опубликованные в этот же период В.Г. Ревуненковым, свидетельствуют о том, что он последователен, не отступает от своих позиций, но вместе с тем современен, он вписывается в реальную действительность нашего времени. И его размышления о событиях далекого прошлого так или иначе соответствуют размышлениям современного думающего читателя и в той или иной степени помогают ему освоить, оценить процессы, происходящие в современном российском обществе.

Изучению проблем истории Великой французской революции В.Г. Ревуненков отдал более 30 лет. Но единственной в его исследовательской работе эта тема не была. Для всего его научного творчества характерно умение по-новому взглянуть на хорошо изученные проблемы и строгое следование принципу историзма. Исследование тех или иных проблем – конституционного конфликта в Пруссии, польского восстания 1863 г. и позиции европейской дипломатии³⁵, Английской буржуазной революции середины XVII в., июньского восстания 1848 г. в Париже, итальянского Рисорджименто или истории стран Латинской Америки – сопровождалось открытиями, которые выражались в новой интерпретации, новой оценке, казалось бы, уже хорошо изученных событий и явлений мировой истории. Именно он первым в советской историографии подверг сомнению тезис о том, что именно Английская революция XVII в. положила конец феодальному строю в Англии и открыла собой новую эпоху ее истории – эпоху господства капитализма. Он высказал мысль об ограниченности и незавершенности этой революции и пришел к выводу о том, что "историческое значение этой революции заключается не в том, что она якобы открыла собой эпоху господства капитализма, а в том, что благодаря даже частичной, неполной победе буржуазии были в огромной степени усилены, форсированы те процессы, которые разворачивались еще до революции... которые подготавливали превращение капитализма из уклада разлагающегося феодального общества в господствующий способ производства"³⁶. Что касается июньского восстания 1848 г. в Париже, то В.Г. Ревуненков здесь опирался на исследования французских историков, исследовавших данные парижского Национального архива, проанализировавших социальный состав участников событий. Он писал, что эти новые данные "заставляют внести весьма существенные коррективы в наше традиционное представление об этом восстании", суть которых состоит в том, что «против буржуазного правительства выступили не одни рабочие, но и довольно широкие круги мелких собственников. Это было выступление народных "низов" с формирующимся рабочим классом во главе»³⁷.

³⁴ Там же, с. 13.

³⁵ Анализ монографий В.Г. Ревуненкова "Приход Бисмарка к власти" и "Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия" см.: *Могилевский С.А.* Творческий путь ученого. (К 60-летию со дня рождения профессора В.Г. Ревуненкова.) – Исследования по новой и новейшей истории. Л. 1972, с. 5–10.

³⁶ См.: *Ревуненков В.Г.* К вопросу об особенностях и историческом значении Английской буржуазной революции XVII в. – Вестник Ленинградского университета, 1964, № 2, с. 65–78.

³⁷ См.: *Ревуненков В.Г.* Новое в изучении июньского восстания 1848 г. в Париже. – Вестник Ленинградского университета, 1977, № 20, с. 37–45.

В.Г. Ревуненков был одним из крупнейших российских специалистов по новой и новейшей истории стран Западной Европы и Америки, одним из немногих знатоков истории стран этих регионов энциклопедического уровня.

Своими работами, прежде всего по истории Великой французской революции, в том числе и самыми последними, а он писал их до последнего дня жизни, В.Г. Ревуненков доказал, что марксистская методология как научная теория и научный метод исторического исследования имеет право на существование, что свобода творчества возможна и внутри этой теории и этой методологии, если свободен сам исследователь. Это не значит, что В.Г. Ревуненков не видел и не признавал других методов и методик исследования. Своим ученикам он позволял действовать в этих вопросах самостоятельно, и, если находил, что автор обосновал вою точку зрения или по крайней мере привел убедительные доказательства возможной неоднозначности оценки того или иного события или персонажа, он никогда не препятствовал публикации этой позиции. Умением понимать и уважать иную точку зрения он особенно запомнился своим ученикам и коллегам. Но также и тем, что, выбрав марксизм как методологию истории, он этому выбору не изменял, независимо от политических бурь, происходивших в стране. Октябрьскую революцию он никогда не называл переворотом и всегда отмечал, что ее истинное значение пока еще до конца не понято человечеством. Вторая мировая война была для него в первую очередь Великой Отечественной войной. Он очень огорчился, когда видел новые учебники для наших школ, где роль Советского Союза в войне явно принижалась.

В.Г. Ревуненков известен и как организатор науки. В 1957 г. он был избран заведующим кафедрой новой и новейшей истории Ленинградского университета и более 30 лет, до 1989 г., возглавлял ее. Ученый, обладавший широчайшими познаниями в различных областях истории, до последних дней жизни бывший генератором свежих идей, отличавшийся при этом необычайной личной скромностью, способствовал тому, что в эти десятилетия кафедра превратилась в одну из ведущих кафедр факультета, где сложился коллектив людей разных поколений, которые прекрасно сосуществовали и трудились. В.Г. Ревуненкова как руководителя отличал демократизм. Он признавал право на личное мнение для всех. На заседаниях кафедры всегда придерживался суворовского принципа (это его выражение. – *Авт.*): сначала высказываются младшие (по возрасту, положению, званию), затем старшие, а решения принимаются на основе коллективного мнения. При разрешении нередко возникавших трудных ситуаций он не считал для себя зазорным советоваться и с младшими коллегами, своими недавними студентами. Но мог сказать и решающее слово в споре: когда рецензенты расходились в оценке той или иной рукописи, когда никто не хотел взять на себя ответственность за принятие решения, он быстро, взглядом опытного редактора просматривал рукопись и выносил свой вердикт – печатать или дорабатывать. Любой текст рукописи, достойный публикации, но обладавший стилистическими или иными погрешностями, после его точного редакторского карандаша приобретал почти совершенный вид. А его слова "Я доволен (удовлетворен) вашей работой" в адрес молодых преподавателей, лекции или семинарские занятия которых он посещал, были и оценкой мэтра и стимулом к совершенствованию.

Сдержанный и необычайно застенчивый, Владимир Георгиевич, казалось, должен был быть кабинетным ученым. Но чистая наука без возможности передавать свои знания, делиться новыми идеями и открытиями, своей любовью к научному поиску со студентами, с молодыми коллегами его не привлекала. Нельзя сказать, что университетская аудитория была его стихией. Его лекторский стиль на первый взгляд был суховат, и, казалось, не должен был надолго удерживать внимание аудитории. Однако уже через несколько минут логика, нетривиальность в постановке проблемы, доказательность изложения материала, необыкновенная простота в изложении материала буквально завораживали слушателей, и время лекции пролетало незаметно. В течение долгого времени он читал курсы лекций по новой истории от середины XVII в. до 1870 г., по историографии, истории Франции, истории международных отношений и

многие другие. Лекции В.Г. Ревуненкова были образцом умелого отбора выверенного научного материала, логики, убедительности, композиционной завершенности.

Многочисленные ученики В.Г. Ревуненкова писали и защищали дипломные работы и кандидатские диссертации по истории разных стран и разных континентов – Западной Европы, Америки, Австралии. Проблематика этих работ была самой разнообразной – от экономики до культуры и военной истории: здесь и колониальная экспансия Австралии в новой Гвинее, и дипломатическая подготовка австро-прусской войны 1866 г., и историография Коминтерна, и освободительная борьба в Черногории на рубеже XVIII – XX вв., и президентство Томаса Джефферсона, и Хосе Марти и освободительная борьба на Кубе, и финансовая политика Конвента, и офицерский корпус армии Наполеона и т.д. А одна студентка, занимавшаяся исследованием музыки эпохи Великой французской революции, на защите дипломной работы пропела "Марсельезу", немало удивив ученую публику и своими познаниями и артистическими способностями. Такие же способности ученика В.Г. Ревуненкова О.В. Соколова, кандидата исторических наук, доцента кафедры новой и новейшей истории СПбГУ, Президента Ассоциации военно-исторических клубов, помогают ему в такой неординарной сфере деятельности, как реконструкция военных действий периода наполеоновских войн. Ученики всегда получали очень квалифицированную помощь от своего руководителя. Одобрение В.Г. Ревуненковым научного труда (диссертации, статьи, монографии) любого молодого ученого означало знак высокого качества, поскольку его замечания отличались глубиной проникновения в предмет исследования. Он воспитывал в своих учениках, среди которых много и кандидатов, и докторов наук, преданность науке, стремление к поиску истины, он проявлял необычайную терпимость к иной точке зрения, высказываемой его учениками и коллегами, даже если она радикально расходилась с его собственным мнением. Критерием для него могли быть только аргументированность, достоверность фактов и доказательность.

Ничто человеческое не было чуждо ученому-историку. Он страстно любил французскую литературу. Особенно увлеченно читал романы А. Дюма на французском языке. А как говорил о драме Ф. Шиллера о Валленштейне! Он был и страстным футбольным болельщиком. В любую, даже самую дождливую погоду его можно было видеть на трибунах стадиона. Вот почему его коллеги 11 сентября 1971 г., на 60-летний юбилей профессора, решили подарить ему футбольный мяч с автографом знаменитого Льва Яшина. Когда получить этот автограф не удалось, вся "футбольная команда" – все 11 членов кафедры поставили свои подписи на мяче, чем вызвали восторг шефа.

Владимир Георгиевич был весьма скромным, непритязательным в быту человеком. Он редко выезжал за пределы Ленинграда – Петербурга. Однако от путешествия на теплоходе по Волге в середине 1970-х годов он был в восторге. И потому, что немного подлечился и еще более оттого, что его рассказ о Великой французской революции конца XVIII в. был не только с интересом выслушан и пассажирами и членами команды теплохода, но и настолько заинтересовал слушателей, что они засыпали профессора вопросами.

10 октября 2004 г. Владимира Георгиевича Ревуненкова не стало. Он был уже очень болен, почти ничего не видел, но сам своей рукой выправил все опечатки в толстом томе своей последней работы, ругая при этом редакторов за то, что внесли в его текст не согласованные с ним изменения. Он работал до последней минуты. Российская историческая наука потеряла выдающегося ученого, прекрасного педагога, отдавшего всю жизнь столь любимой им исторической науке, воспитанию молодого поколения ученых. Он оставил после себя многочисленные научные труды, множество учеников и почитателей, которые сохраняют о нем благодарную память навсегда.